

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ПОЛОЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

УПРАВЛЕНИЕ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ПО ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ

**ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ
РАЗВИТИЯ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

Сборник статей
международной научно-практической конференции
(Новополоцк, 26–27 сентября 2019 г.)

В двух томах

Том 2

Новополоцк
Полоцкий государственный университет
2019

УДК 343.13(063)
ББК 67.410.2я431

Рекомендован к изданию советом юридического факультета
Полоцкого государственного университета (протокол № 6 от 26.08.2019)

Редакционная коллегия:

Д. Н. Лазовский, ректор Полоц. гос ун-та, д-р техн. наук, проф.;
И. В. Вегера, дек. юрид. фак-та Полоц. гос ун-та, канд. юрид. наук, доц. (отв. ред.);
В. Г. Скрицкий, зам. начальника упр. Следственного комитета Республики Беларусь по Витебской обл., полковник юстиции;
Ю. Л. Приколотина, зав. каф. уголовного права и криминалистики Полоц. гос. ун-та, канд. юрид. наук;
А. И. Смирнов, начальник отд. анализа практики и методического обеспечения предварительного расследования упр. Следственного комитета Республики Беларусь по Витебской обл., подполковник юстиции;
О. А. Адамович, зам. начальника отд. анализа практики и методического обеспечения предварительного расследования упр. Следственного комитета Республики Беларусь по Витебской обл., подполковник юстиции;
В. А. Куряков, ст. преподаватель каф. уголовного права и криминалистики Полоц. гос. ун-та;
И. Н. Троицкая, ст. преподаватель каф. уголовного права и криминалистики Полоц. гос. ун-та.

Рецензенты:

В. В. Марчук, канд. юрид. наук, доц., директор государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»;
В. М. Хомич, д-р юрид. наук, проф., зав. информационно-методическим кабинетом государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»

Теоретико-прикладные вопросы развития досудебного производства по уголовным делам на современном этапе : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 26–27 сент. 2019 г. : в 2 т. / Полоц. гос. ун-т ; редкол.: И. В. Вегера (отв. ред) [и др.]. – Новополоцк : Полоц. гос. ун-т, 2019. – Т. 2. – 260 с.
ISBN 978-985-531-661-0.

В настоящий том включены материалы исследований, посвященные применению уголовно-процессуального права, криминалистическому и судебно-медицинскому сопровождению уголовного процесса.

Адресован практическим работникам, преподавателям, студентам юридических специальностей, а также всем, кто интересуется проблемами уголовного процесса, криминалистики и судебно-медицинской экспертизы по уголовным делам.

УДК 343.13(063)
ББК 67.410.2я431

ISBN 978-985-531-661-0 (Т. 2)
ISBN 978-985-531-659-7

© Полоцкий государственный университет, 2019

6. Прошляков А. Д. Взаимосвязь материального и процессуального уголовного права: дис. ...д.ю.н.: 12.00.09: уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность / Екатеринбург, 1997. – 271 с.

7. Ткачук І. С. Термінологічна неузгодженість норм кримінального та кримінально-процесуального законодавства як прояв міжгалузевої колізії. Теоретичні та прикладні проблеми кримінального права України: матеріали II міжнар. наук.-практ. конф., м. Луганськ, 19-20 квітня 2012 р. Луганськ: РВВ ЛДУВС ім. Е.О. Дідоренка, 2012. – С. 510–512.

8. Навроцька В. В. Взаємозв'язки та колізії норм КК й КПК України. Вісник Львівського державного університету внутрішніх справ. 2016. Випуск 1. – 234–256.

9. Навроцька В. В. Кримінальний процесуальний та кримінальний закон: взаємозв'язки й колізії. Кримінальний процесуальний кодекс 2012 року: ідеологія та практика правозастосування: колективна монографія / За заг. ред. Ю.П. Аленіна; відпов. за вип. І.В. Гловюк. Одеса: Видавничий дім «Гельветика», 2018. – С. 1094–1140.

УДК 343.263

ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В ДОСУДЕБНОМ УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Г. А. Савчук,

доцент кафедри конституційного і адміністративного права, Академія управління при Президенті Республіки Беларусь, кандидат юридических наук, доцент (Мінськ, Республіка Беларусь)

В статье изложены проблемные аспекты законодательного регулирования мер пресечения в виде залога, домашнего ареста и заключения под стражу, рассмотрена практика их применения в досудебном производстве по уголовным делам, сформулированы авторские предложения по совершенствованию правового механизма названных мер пресечения.

Ключевые слова: домашний арест, залог, заключение под стражу, меры пресечения, уголовный процесс.

In article problem aspects of legislative regulation of measures of restraint in the form of pledge, house arrest and detention are stated, practice of their application in pre-judicial criminal cases production is considered, author's suggestions for improvement of a legal mechanism of the called measures of restraint are formulated.

Keywords: house arrest, pledge, detention, measures of restraint, criminal trial.

Республіка Беларусь як правове соціальне государство підприємляє заходи, що сприяють зміцненню законності і правопорядку, проводить ефективну правову політику, направлену на боротьбу з преступністю і забезпечення прав, свобод і законних інтересів особи, попавшої в орбіту уголовно-правових відносин. Уголовна політика як

ключевая политика любого государства характеризуется как идейно-правовая основа для определения и совершенствования уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и иных мер борьбы с криминальными угрозами. Совершенствование уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права является элементом правоохранительной политики, представляющей собой комплекс мероприятий, основных направлений, средств и форм воздействия на преступность посредством властных полномочий государства. В этой связи соответствующие отрасли законодательства должны представлять собой взаимосогласованные элементы единой системы, при этом реализация эффективной уголовной политики государства предполагает оптимальную модель уголовного судопроизводства [1].

Деятельность государства, связанная с реагированием на факты совершения преступлений, может осуществляться в различных правовых формах, одной из которых является уголовно-процессуальная политика, находящая свое выражение в законотворчестве и правоприменительной деятельности органов уголовной юстиции. В реализации политики по расследованию преступлений, выявлению и изобличению лиц, виновных в их совершении, особое место отводится институту мер процессуального принуждения, ядро которых составляют меры пресечения. Эффективность политики в уголовно-процессуальной сфере применительно к мерам пресечения связана с совершенствованием законодательства, регулирующего деятельность правоприменительных органов по законному и обоснованному избранию мер пресечения и обеспечению конституционных гарантий лиц, к которым такие меры применяются. В настоящее время в Республике Беларусь ведется планомерная работа по оптимизации законодательства о мерах пресечения и по расширению возможностей использования на практике альтернативных заключению под стражу мер пресечения.

Отметим, что первые шаги по либерализации политики в применении мер пресечения были предприняты в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь, принятом в 1999 г. (далее – УПК Республики Беларусь), когда в систему мер пресечения были введены новые меры пресечения – залог и домашний арест. Замысел законодателя заключался в использовании названных мер пресечения как реальной альтернативы заключению под стражу, но с момента их закрепления в УПК вплоть до 2005 г. залог и домашний арест в общей структуре применяемых мер пресечения составляли около 3 %. В дальнейшем значительное влияние на гуманизацию и расширение практики применения мер пресечения, в том числе, не связанных с содержанием под стражей, оказывали нормативные акты Главы государства. В данном контексте следует назвать такие нормативные правовые акты Президента Республики Беларусь как: Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения (23.12.2010) и Директива № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь» (31.12.2010).

Как известно, УПК Республики Беларусь предусматривает семь мер пресечения, шесть из которых можно назвать альтернативами заключению под стражу. К таким мерам относятся: подписка о невыезде и надлежащем поведении; личное поручительство; залог; домашний арест; отдача несовершеннолетнего под присмотр; передача военнослужащего под наблюдение командования воинской части. В качестве положительной тенденции последних десятилетий в Республике Беларусь наблюдается широкое использование названных альтернативных мер пресечения: в 2018 г. они составили 63,3 % (для сравнения в 2017 г. эта цифра составляла 70,9 %, в 2016 г. – 71 %, в 2015 г. – 72 %).

Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения (далее – Концепция) [2] направлена на совершенствование уголовного и уголовно-процессуального законодательства, практики его применения при строгом соблюдении прав и законных интересов граждан с учетом особенностей национальной правовой системы, уровня правовой культуры населения и общепризнанных международных стандартов. Одной из предпосылок принятия Концепции (п. 12) называется недостаточное стимулирование позитивного поведения лиц, впервые совершивших преступления, не относящихся к категории тяжких и особо тяжких, в том числе путем применения к ним мер пресечения, не связанных с изоляцией от общества. Для устранения сложившейся ситуации в Концепции предложены мероприятия, поэтапная реализация которых предусматривает законодательные и организационно-практические меры, направленные на гуманизацию политики при применении мер пресечения.

Так, п. 15.3 Концепции органам, ведущим уголовный процесс, предписано принимать решение об избрании заключения под стражу только в случаях, когда применение иной меры пресечения представляется невозможным. Такая рекомендация во многом обусловлена корреляцией между применением меры пресечения в виде заключения под стражу и последующим назначением наказания в виде реального лишения свободы. Иными словами, политика в сфере применения альтернативных лишению свободы наказаний ставится в зависимость, в том числе, и от уголовно-процессуальной политики применения мер пресечения. Подчеркнем, что первый год реализации предписания Концепции показал позитивные результаты: количество случаев применения заключения под стражу снизилось за счет избрания домашнего ареста до 183 в первом полугодии 2011 г. по сравнению с аналогичным периодом 2010 г. (98) [3, с. 15], а в целом по республике в период с 2010 г. по 2014 г. заключение под стражу сократилось почти на 50 % за счет более широкого применения залога (+ 50 %) и домашнего ареста (+30 %) [4, с. 7]. В то же время заключение под стражу в 2018 г. составило 23,9 % (2017 г. – 25,5 %, 2016 г. – 26,6 %, 2015 г. – 25 %).

Названное положение Концепции нашло отражение в Директиве Президента Республики Беларусь «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь» (далее –

Директива). Так, п. 5.4 Директивы предписывает не применять заключение под стражу к подозреваемым и обвиняемым в совершении менее тяжких преступлений против порядка осуществления экономической деятельности (за исключением изготовления, хранения либо сбыта поддельных денег или ценных бумаг, контрабанды и легализации материальных ценностей, полученных преступным путем) при условии, что они не скрываются от органа уголовного преследования и суда [5]. Такое предписание объясняется предупредительным характером контрольной (надзорной) деятельности, преимущественным использованием профилактических мер, направленных на предотвращение правонарушений при осуществлении предпринимательской деятельности (п. 5 Директивы). Полагаем, что такой подход демонстрирует позицию государства по либерализации уголовной и уголовно-процессуальной политики по противодействию преступности в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Поэтому неудивительно, что цитируемые положения Директивы в 2015 г. трансформировались в УПК Республики Беларусь, где приобрели статус прямого запрета.

Так, действующая редакция ч. 1 ст. 126 УПК Республики Беларусь, сохранив общее правило об избрании заключения под стражу за совершение преступлений, предусматривающих наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет, установила изъятие: запрет на применение этой меры пресечения за менее тяжкие преступления против порядка осуществления экономической деятельности (кроме контрабанды, незаконного экспорта или передачи в целях экспорта объектов экспортного контроля, легализации средств, полученных преступным путем). Исключением из данного запрета стали случаи, когда подозреваемый, обвиняемый не имеют постоянного места жительства на территории Республики Беларусь или не установлена их личность. Подобные нормы содержат уголовно-процессуальные кодексы Кыргызстана и России. Так, уголовно-процессуальное законодательство Кыргызстана содержит норму о том, что заключение под стражу не применяется в отношении обвиняемого в совершении преступления в сфере экономики вне зависимости от вида и срока предусмотренного уголовным законом наказания при условии, что такой обвиняемый, иное лицо уплатили на специальный счет фиксированную сумму залога. В Уголовно-процессуальном кодексе России имеется запрет избирать заключение под стражу по ряду преступлений, совершенных в сфере экономической и предпринимательской деятельности.

На наш взгляд, это правовое предписание является дискриминационным и создает уголовно-процессуальный иммунитет от ее избрания к лицам, совершившим названные экономические преступления, и, более того, не решает проблему оптимизации применения заключения под стражу. Не разделяя позицию законодателя в части закрепления этого запрета в специальных нормах, регламентирующих заключение под стражу, напомним, что это противоречит общей концепции об основаниях применения мер пресечения, изложенной

в ст. 117 УПК Республики Беларусь, устанавливающей общие единые основания для применения любой меры пресечения. Иными словами, может сложиться ситуация, когда в ходе расследования дел о таких преступлениях экономической направленности орган уголовного преследования, располагая доказательствами того, что лицо совершает действия, направленные на воспрепятствование расследованию, не вправе применить к нему заключение под стражу в силу прямого правового запрета. «Гуманизируя» подобным образом заключение под стражу, закон создает предпосылки к расширению практики применения мер пресечения, не связанных с содержанием под стражей, отводя лидерство домашнему аресту. Но, как справедливо отмечает А.С. Александров, в этом случае домашний арест становится «оптимальной формой партнерства бизнеса и государства по вопросу о мерах пресечения, допускаемых по отношению к предпринимателям» [6, с. 112].

Комментируя нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части аналогичного запрета на заключение под стражу субъектов предпринимательской деятельности, Л. М. Фетищева справедливо делает вывод о расхождении первоначального замысла законодателя относительно такого запрета с конечным результатом его реализации на уровне интерпретации закона и применения. Как отмечает цитируемый автор, практика применения подобного запрета показывает, что правоприменители вынуждены обходить прямой запрет на избрание заключения под стражу к субъектам предпринимательской деятельности в случаях, когда необходимо применять эту меру пресечения, делая это путем: 1) вменения иных статей, не входящих в запретный перечень, используя в этих целях иную квалификацию; 2) указания на то, что лица совершили преступления не в сфере предпринимательской деятельности или что предпринимательство являлось способом маскировки мошенничества; 3) искусственного создания обстоятельства, создающего правовые предпосылки для применения заключения под стражу по иным установленным законом основаниям [7].

Кроме того, введение в ч. 1 ст. 126 УПК Республики Беларусь рассматриваемого запрета не стало причиной активного использования иных мер пресечения, о чем наглядно свидетельствуют данные правоприменительной практики. Так, согласно данным Следственного комитета Республики Беларусь, в 2018 г. в целом по республике на общем фоне применяемых мер пресечения заключение под стражу составило 23,9 % (в 2017 г. – 25,5 %), подписка о невыезде и надлежащем поведении – 59,1 % (в 2017 г. – 58,5 %), личное поручительство – 2,9 % (в 2017 г. – 2 %), домашний арест – 1 % (в 2017 г. – 1,3 %), залог – 0,3 % (такой же показатель был и в 2017 г.). Изложенное убеждает в том, что введение в уголовно-процессуальный закон нормы, запрещающей применение заключения под стражу по определенной категории преступлений экономической направленности, не соответствует концепции применения мер пресечения в уголовном процессе, нарушает

конституционный и уголовно-процессуальный принцип равенства граждан перед законом. В связи с этим полагаем, что данный запрет не должен носить категоричный, безальтернативный характер, но может иметь законодательную норму условного характера, а именно: заключение под стражу по преступлениям экономического характера может применяться при отсутствии возможности избрания иной, менее строгой, меры пресечения.

В рассматриваемом нами контексте заслуживают одобрения требования п. 16.9 Концепции об ограничении оснований применения заключения под стражу по мотивам одной лишь тяжести преступления к подозреваемым и обвиняемым в совершении ограниченного перечня преступлений [2], что нашло воплощение в УПК Республики Беларусь. В настоящее время названная мера пресечения может избираться по мотивам тяжести только за преступления против мира и безопасности человечества, государства, военные преступления, а также за преступления, сопряженные с посягательством на жизнь и здоровье человека, относящиеся к категории тяжких или особо тяжких (ч. 1 ст. 126 УПК Республики Беларусь). Данное нововведение позволит реально сократить применение заключения под стражу по мотивам одной лишь тяжести преступления, учитывая, что в практике белорусских следственных органов такой мотив в ряде случаев является основополагающим и составляет около 90 % от общего числа лиц, совершивших особо тяжкие преступления. Это тем более актуально, поскольку уголовный закон содержит завышенные санкции по самым распространенным преступлениям, что неоправданно расширяет применение заключения под стражу на основании тяжести преступления [8, с. 37].

Следует отметить, что схожий подход демонстрирует ч. 2 ст. 136 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан: содержание под стражей может применяться лишь по мотивам тяжести за совершение преступлений по выборочным составам уголовного закона (например, за убийство, совершенное в условиях чрезвычайной ситуации или в ходе массовых беспорядков; уголовные правонарушения против основ конституционного строя, общественной безопасности и общественного порядка, здоровья населения и нравственности).

В целом положительно оценивая рассмотренные тенденции, обратим внимание на то, что уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь и большинства государств-участников СНГ устанавливает единые общие основания для применения любых мер пресечения, поэтому тяжесть преступления не может выступать в качестве основания заключения под стражу, равно как и любой другой меры пресечения. Наша позиция строится на стандартах международно-правового характера, которые законность применения заключения под стражу связывают лишь с наличием достаточных данных, дающих основания полагать, что необходимо предотвратить совершение лицом правонарушения или помешать такому лицу скрыться после совершения преступления [9, с. 110; 10, с. 84]. Как верно

указывает Европейский суд по правам человека, эти основания подлежат узкому толкованию, а любое заключение под стражу не является законным, если оно не обусловлено одним из них [11], при этом тяжесть обвинения сама по себе не может служить оправданием заключения под стражу [12]. Из этого следует, что тяжесть преступления не может быть элементом конструкции уголовно-процессуальных норм о заключении под стражу, но этот признак должен учитываться наряду с другими обстоятельствами, обуславливающими принятие решения о применении меры пресечения и влияющими на ее выбор.

Среди мероприятий по оптимизации законодательства и практики его применения в части мер пресечения, намеченных в Концепции, указывается на расширение диапазона применения залога в качестве альтернативы заключению под стражу и его последующего обращения в счет возмещения вреда, причиненного преступлением [2].

Попытки сделать залог востребованной на практике мерой пресечения предпринимались белорусским законодателем еще до разработки Концепции. Например, в 2007 г. по инициативе Генеральной прокуратуры Республики Беларусь залоговую сумму снизили с 500 (на момент принятия УПК Республики Беларусь эта сумма была эквивалентна 4 тыс. долларов США) до 100 базовых величин. В 2015 г. ст. 124 УПК Республики Беларусь претерпела изменения: в настоящее время предметом залога могут быть не только денежные средства, но и ценные бумаги, ценности, иное движимое и недвижимое имущество, а также совершенно справедливо исключено такое условие избрания залога как полное возмещение вреда от преступления. Отметим, что принятие в качестве залога недвижимого имущества имеет определенные трудности, связанные с его отчуждением, длительностью оформления соответствующих документов, оценкой такого имущества, а также с тем, что такое имущество может утратить свою ценность. Поэтому в отечественной следственной практике до сих пор предметом залога остаются денежные средства.

В УПК Республики Беларусь (ч. 6 ст. 124), следуя предписаниям Концепции, были внесены поправки, согласно которым при постановлении судом обвинительного приговора возможно обращение суммы залога в счет возмещения вреда (ущерба), причиненного преступлением, при условии, что залог внесен самим подозреваемым (обвиняемым) или лицами, несущими материальную ответственность за их действия, а также другим физическим лицом с его письменного согласия. Примечательно, что еще до официального введения такой разрешающей нормы в УПК Республики Беларусь, она имела место на практике. Так, Т. Л. Щерба указывает на 2 % случаев обращения залога в счет гражданского иска в период до 2013 г. и в 4 % случаев в счет уплаты наказания в виде штрафа [13, с. 11].

Отметим, что мысль о возмещении вреда, причиненного преступлением, из суммы залога не нова. Так, дореволюционное законодательство «побочной» целью залога называло обеспечение предъявленного гражданского иска, определяя зависимость суммы залога от «вознаграждения, отыскиваемого потерпевшим от преступления», предусматривая отчисление из суммы залога определенной ее части потерпевшему на покрытие убытков от преступления, а оставшуюся сумму на устройство мест заключения. Но уже в то время правоведы рассматривали сущность залога не с точки зрения компенсационной меры, а как меры психологически-предупредительного характера. По справедливому замечанию П. И. Люблинского, при применении залога «должно принимать в соображение то, что может предупредить побег, а не то, чтобы гражданский истец остался доволен в случае побега» [14, с. 38–40]. В связи с этим считаем такой подход законодателя неоправданным, поскольку в сложившейся ситуации залог становится своеобразным средством платежа за свободу подозреваемого, обвиняемого, что не отвечает целям применения данной меры пресечения и существенно меняет ее правовую природу. Кроме того, правильное на первый взгляд решение – возместить вред из суммы залога – фактически ставит определенную часть гражданских истцов в привилегированное положение. А это значит, что число гражданских истцов, у которых появится возможность погасить свой вред из суммы залога, будет значительно уступать числу истцов, не имеющих такой возможности, поскольку по делам, где в отношении подозреваемых, обвиняемых применяются другие меры пресечения, обеспечение возмещения вреда будет проводиться в общем судебном порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом. Сказанное позволяет не согласиться с мнением Конституционного Суда Республики Беларусь в том, что обращение залога в счет возмещения вреда от преступления повышает эффективность механизма выплат в счет гражданского иска и предоставляет дополнительные возможности для подозреваемого и обвиняемого в части добровольного возмещения такого вреда [15]. В свете изложенного отметим, что сделанные законодателем шаги не сделали залог востребованной мерой пресечения, а решение о ее избрании принимается в отношении 0,3 % лиц на общем фоне применяемых мер пресечения.

Основной причиной создавшегося положения по-прежнему является установленная УПК Республики Беларусь минимальная залоговая денежная сумма. По нашему мнению, активизации залога на практике может способствовать установление на законодательном уровне альтернативных вариаций залога, известных зарубежной практике.

Во-первых, залог может быть реальным, т. е. предусматривать внесение денежной суммы в полном размере. При этом размер залога следует дифференцировать в зависимости от категории совершенного подозреваемым, обвиняемым преступления, определив нижний порог залоговой

суммы в размере 30 базовых величин за совершение преступлений, не представляющих большой общественной опасности, и увеличивать эту сумму соразмерно с каждой последующей категорией преступлений [13, с. 5]. Такой подход наблюдается в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан (ч. 3 ст. 143), где размер залоговой суммы ставится в зависимость от категории совершенного преступления, а также установлены случаи внесения залога ниже нижнего размера либо принятия иного имущества, эквивалентного этой сумме (например, к лицам, имеющим на иждивении несовершеннолетних детей; относящимся к социально уязвимым слоям населения). Во-вторых, можно предусмотреть внесение определенной части установленной залоговой суммы, например в 10 %. В-третьих, в качестве залога может выступать денежная сумма физического, юридического лица на банковском счету, которая может быть снята со счета и обращена в доход государства при нарушении этой меры пресечения.

Кроме того, в качестве эффективных способов повышения правовой регламентации и практики применения залога можно рассматривать: включение в перечень залогодателей не только физических, но и юридических лиц (как это было предусмотрено законодательством советского периода и современным законодательством многих стран СНГ); установление срока для внесения залоговой суммы в диапазоне пяти дней со дня принятия решения об избрании залога. Названные положения отсутствуют в УПК Республики Беларусь, что влияет не только на незначительную практику избрания залога, но и показывает правовые дефекты в регламентации данной меры пресечения.

Рассматривая альтернативные заключению под стражу меры пресечения, необходимо акцентировать внимание на оптимальной, с нашей точки зрения, мере пресечения – домашнем аресте, который долгое время также не был востребованной мерой пресечения. При этом статья 125 с момента ее введения в УПК Республики Беларусь до сих пор остается практически неизменной (в 2015 г. в закон были внесены изменения, касающиеся уточнения субъекта применения домашнего ареста за счет включения в него суда). Анализ практики применения этой меры в досудебном уголовном производстве за последние несколько лет показывает неоднозначное отношение правоприменителя к этой мере пресечения. Так, согласно данным Следственного комитета Республики Беларусь в 2018 г. в целом по республике под домашний арест было помещено 471 чел. (1 % от общей численности мер пресечения), в 2017 г. – 588 чел. (1,3 %), в 2016 г. – 524 чел. (1 %), в 2015 г. – 594 чел. (1,1 %), в 2014 г. – 568 чел. (1,2 %), в 2013 г. – 595 чел. (1,2 %), в 2012 г. – 445 чел. (0,9 %).

Уголовно-процессуальная трактовка домашнего ареста сводится к изоляции подозреваемого или обвиняемого от общества без содержания его под стражей, но с применением правоограничений, определяемых прокурором (его заместителем), председателем Следственного комитета Республики Беларусь, Пред-

седателем Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лицами, исполняющими их обязанности, либо судом (ч. 1 ст. 125 УПК Республики Беларусь). При этом действующая редакция ст. 125 УПК содержит правоограничения, которые либо носят декларативный характер (применение электронных средств контроля), либо требуют создания специальных подразделений для выполнения контролирующих функций за поведением подозреваемого, обвиняемого (установление наблюдения за ним или его жилищем, охрана его жилища), либо нуждаются в корректировке с позиции законодательной техники. Проведенный нами всесторонний анализ теоретико-прикладных вопросов, связанных с домашним арестом, позволил сформулировать новую законодательную модель и механизм реализации этой меры пресечения [16]. В качестве ближайших перспектив законодателя, на наш взгляд, должна быть рассмотрена оптимизация уголовно-процессуальных норм о домашнем аресте, которые могли бы включать в себя следующие положения. Во-первых, в ст. 125 УПК следует установить запрет на избрание домашнего ареста к лицам, совершившим насильственные преступления в отношении совместно проживающих с ними членов семьи, близких родственников либо иных лиц, которых они обоснованно считают близкими. Во-вторых, данная правовая норма должна предусматривать получение письменного обязательства совместно проживающих с подозреваемым, обвиняемым совершеннолетних лиц о соблюдении правил поведения, установленных для них органом, ведущим уголовный процесс, на время домашнего ареста. Закрепление в УПК названных положений будет способствовать принятию законного решения о применении домашнего ареста и позволит шире использовать эту меру пресечения органом, ведущим уголовный процесс.

Подытоживая, отметим, что реформы в уголовно-процессуальной сфере, проводимые на современном этапе в Беларуси, направлены и на поиск новых подходов в правовой регламентации мер пресечения и активизации их применения. Уголовно-процессуальное законодательство является необходимым и эффективным механизмом в антикриминальной политике государства, а его реформирование в части мер пресечения должно следовать современным тенденциям в гуманизации и либерализации таких мер. Представляется, что изложенные нами проблемные аспекты залога, домашнего ареста и заключения под стражу, а также сформулированные предложения по модернизации их нормативной базы могут быть восприняты законодателем и станут вектором в дальнейшей реализации основных направлений уголовно-процессуальной политики Республики Беларусь.

Список используемых источников

1. Интервью М. Утанова, 20 октября 2016 года / Источник: Интернет-ресурс Медиа-корпорации «ЗАН» // <http://www.zakon.kz>.
2. Об утверждении Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 23 дек. 2010 г., № 672 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 30.12.2011 г. № 621// ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2019.

3. Стук, А. Цель Концепции – реформирование системы мер уголовной ответственности и порядка исполнения наказаний / А. Стук // Законность и правопорядок. – 2011. – № 3. – С. 13–16.

4. Стук, А. Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения: промежуточные итоги / А. Стук // Законность и правопорядок. – 2014. – № 4. – С. 6–10.

5. О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Директива Президента Респ. Беларусь, 31 дек. 2010 г., № 4 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2019.

6. Александров, А. С. Новое – буржуазное уголовное и уголовно-процессуальное право России / А. С. Александров // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки : сб. науч. тр. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД ; редкол.: А. Л. Савенок (пред.) [и др.]. – Минск : Акад. МВД, 2013. – С. 100–118.

7. Фетищева, Л. М. Применение мер пресечения при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 [Электронный ресурс] / Л. М. Фетищева. – Н. Новгород, 2016. // <http://www.iuaj.net/node/1986>.

8. Хомич, В. М. Заключение под стражу в Республике Беларусь: международный стандарт и правовая оценка / В. М. Хомич // Заключение под стражу : международные стандарты и рекомендации по их применению ; авт.-сост. И. В. Кучвальская, В. М. Хомич. – Гомель, 2002. – С. 34–46.

9. Конвенция о защите прав человека и основных свобод // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения : в 4 т. / сост. Е. В. Кузнецова. – Минск : Амалфея, 2009. – Т. 1. – С. 108–112.

10. Международный пакт о гражданских и политических правах : принят резолюцией 2200 А (XXI) Генер. Ассамблеи ООН 16 дек. 1966 г. // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения : в 4 т. / сост. Е. В. Кузнецова. – Минск : Амалфея, 2009. – Т. 1. – С. 82–94.

11. Дело «Хачатрян и другие против Армении» № 23978/06 [Электронный ресурс] : постановление Европейского суда по правам человека, 27 нояб. 2012 г. // <http://europeancourt.ru/tag/obosnovannost-zaklyucheniya-pod-strazhu/>.

12. Дело «Кляхин против России» № 46082/99 [Электронный ресурс] : постановление Европейского Суда по правам человека, 30 нояб. 2004 г. // <http://europeancourt.ru/tag/obosnovannost-zaklyucheniya-pod-strazhu/>.

13. Щерба, Т. Л. Залог как мера пресечения в уголовном процессе : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Т. Л. Щерба. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2013. – 25 с.

14. Люблинский, П. И. Меры пресечения / П. И. Люблинский. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М. : Право и жизнь, 1926. – 71 с.

15. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : Решение Конституционного Суда Респ. Беларусь, 26 дек. 2014 г., № Р-967/2014 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2019.

16. Савчук, Т. А. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе Республики Беларусь : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Т. А. Савчук ; Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2014. – 234 с.

ВЫРАБОТКА И РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЗИЦИИ АДВОКАТОМ ПО ДЕЛУ, ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ АДВОКАТА В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ

А. И. Сакун,

инспектор ГДОиД Московского (г. Минска) районного отдела Следственного комитета Республики Беларусь (Минск, Республика Беларусь)

Позиция по делу должна быть убедительной, основанной на фактах, подтвержденных относимыми и допустимыми доказательствами, и учитывающей совокупность норм, подлежащих применению при разрешении данного конкретного спора. Адвокат, приступая к выработке позиции по делу, осуществляет эту деятельность поэтапно, продвигаясь от уяснения притязаний и целей клиента до формулирования окончательного правового требования. Важнейшим этапом реализации является доказывание позиции на судебном заседании.

Ключевые слова: позиция по делу, доказывание, состязательность, экспертиза, юридическая помощь.

The position on the case must be convincing, based on facts, supported by relevant and admissible evidence, and taking into account the set of rules to be applied when resolving this particular dispute. The lawyer, starting to develop a position on the case, carries out this activity in stages, moving from an understanding of the claims and goals of the client to the formulation of the final legal claim. The most important stage of implementation is to prove the position at the court hearing.

Keywords: position on case, proof, competence, examination, legal aid.

В реальной юридической практике навыки анализа дела и выработки позиции по делу неразрывно связаны друг с другом. Результаты анализа влияют на выработку позиции, но позиция по делу, в свою очередь, требует вновь и вновь возвращаться к анализу. Анализ дела и выработка позиции, а затем реализация позиции фактически составляют суть работы адвоката по делу. Анализ дела проводится, как правило, для того, чтобы выработать наиболее эффективную позицию, определить стратегию и тактику ведения дела и спланировать всю работу по делу.

Для этого необходимо, прежде всего, определить, что такое позиция по делу, от чего она зависит и из чего складывается. Необходимо понять, почему в судопроизводстве возникает такая ситуация, когда об одних и тех же фактах объективной реальности совершенно по-разному, но с одинаковой уверенностью в своей правоте, говорят процессуальные противники. Означает ли это, что одна из сторон заведомо неправа и проблема суда только в том, чтобы определить какая из них? Представляется, что вопрос о позиции по делу значительно глубже и требует обсуждения не только с точки зрения профессиональных навыков, но и понимания его теоретической природы [5, с. 7].

Научное издание

ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ
РАЗВИТИЯ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Сборник статей
международной научно-практической конференции

(Новополоцк, 26–27 сентября 2019 г.)

В двух томах

Том 2

Ответственный редактор *И. В. Вегера*

Техническое редактирование *И.Н. Чапкевич*

Компьютерная верстка *Т.А. Дарьяновой*

Дизайн обложки *М. С. Мухоморовой*

Подписано в печать 16.09.2019. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 15,08. Уч.-изд. л. 17,18. Тираж 170 экз. Заказ 810.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования «Полоцкий государственный университет».

Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/305 от 22.04.2014.

ЛП № 02330/278 от 08.05.2014.

Ул. Блохина, 29, 211440, г. Новополоцк.